

ОТВЕТ ФУКУЯМЕ

Я счастлив приветствовать в Вашингтоне Г. В. Ф. Гегеля — это, конечно, будет способствовать повышению интеллектуального уровня нашего города. Это особенно важно сейчас, поскольку, судя по всему, наши университеты полны решимости изгнать из своих программ великих мыслителей западной цивилизации. Возможно, термину “think tank” (мозговой трест) вскоре предстоит приобрести более объемный и глубокий смысл — время для этого уже пришло. В городе, преисполненном политиками и юристами, очень немногие читали когда-либо Монтескье, Локка или авторов „Федералиста” — великих мыслителей, к которым восходят политические традиции Америки. Стиль политического общения в Вашингтоне, вне всякого сомнения, выиграл бы, возвысившись, благодаря инъекции в господствующие банальности интеллектуального заряда.

Но не надо заходить слишком далеко! Немного Гегеля — но не Хайдеггер! Как ясно на примере Карла Маркса, умы наших крупнейших философов могут поддаться вредоносному очарованию (Маркс и сам никогда не мог полностью оправиться от *своего* пережитого в молодости увлечения Гегелем). Ведь так легко спутать блестящие идеи с нашими земными человеческими и политическими реалиями и даже подчинить эти реалии таким идеям. Поэтому я хочу надеяться, что мы все же не доведем вашингтонскую интеллектуальную жизнь до экзальтированности Парижа — безусловно, самого захватывающего города мира, в котором, однако, здравый смысл, и особенно политический здравый смысл, вынужден бороться за собственное выживание.

Возможно, даже стоило подумать о введении умеренного защитного тарифа против импортируемых из Парижа идей, чтобы они не могли наводнить наш политический рынок, как они уже наводнили рынок академический.

Гегель, без сомнения, как и Кант — гений, величайший философ нового времени. В некотором смысле, все мы должны решать, являемся ли мы сторонниками или противниками Гегеля, даже если мы в большинстве никогда его не читали. (Виде всякого сомнения, его можно считать самым трудночитаемым из наших великих философов.)

Это решение каждому дается с трудом, поскольку гегелианское видение истории, само по себе являющееся лишь одним из аспектов гегелианского понимания космоса, настолько проникло в наше сознание, что мы и сами не осознаем, что являемся гегельянами. Когда Джесси Джексон произносит приводимую в „Вашингтон пост“ фразу, что „мы должны определиться, на какой стороне истории мы находимся“, он, не подозревая об этом, выражается в чисто гегелевском духе (можно предположить, что это заимствование произошло через посредство Маркса).

История западной цивилизации с достаточным правдоподобием может быть прочитана как эволюция от простого к сложному, от примитивного к более „изошренному“ по мере обретения человеком все большего контроля над природой и усложнения социальной организации, охватывающей все большее число участников во всем многообразии их дифференцированных ролей. Это было известно еще в XVIII столетии и уже тогда зачислялось по ведомству прогресса. Но именно Гегель увидел в этой эволюции историческое предназначение, определенное внутренней логикой (внутренней диалектикой, чтобы быть более точным), скрытой от глаз самих актеров на исторической сцене и обнаруженной лишь им. С метафизической точки зрения, это обогащение самосознания германского профессора представляло достижение самой вселенной, для развития которой человечество является мыслящим и сознающим себя средством. Поэтому все жившие после Гегеля философы должны были по необходимости оказаться неогегельянами. Саму историю философии, которую ранее рассматривали как вневременное

общение интеллектов, теперь стали понимать как одно из проявлений, порожденных этой „культурной эволюцией“. Ее внутренняя диалектика всегда была направлена на расширение просвещения — той эволюции, которую мы с высоты нашего времени можем охватить с недостижимой ранее полнотой. (Именно в этом духе история философии обычно и преподается в наших университетах.) После Гегеля всю историю стали наблюдать через те же детерминистические очки. Механизмы этого детерминизма были достаточно сложными, чтобы стимулировать многие и многие науки и школы мысли. Но история, которая была Историей с большой буквы, биографией человеческой расы, стала после Гегеля автобиографией, процессом самоизучения, посредством которого события постепенно и неотвратно приводили к современности в ее нынешнем виде. Именно на этой предпосылке сегодня основывается большинство исторических исследований, авторы которых принимают в качестве само собой разумеющегося, что мы обладаем интеллектуальным правом познания прошлого, поскольку прошлому не удалось познать себя.

Политика не могла остаться в стороне от этого невероятного расширения человеческого самоосознания. После Гегеля вся политика тоже стала неогегельянской. В новейшем конституционном государстве и его либеральном социальном порядке он увидел обретение финала (иначе говоря, внутренней цели) истории. Он осознавал, однако, что это достижение пока что происходит на уровне теории, а для воплощения в реальную действительность потребуется немало политических усилий. Теперь г-н Фукуяма возвестил нам, что по прошествии двух столетий эта работа уже выполнена и все наши исторические ожидания уже воплощены в Соединенных Штатах Америки.

Я не беру на веру ни одного его слова, но сегодня мы уже прониклись неогегельянством до такой степени что блестящий анализ Фукуямы очень нелегко отбросить или опровергнуть. На самом деле он в высшей степени убедителен. Отбросить с порога Гегеля означает обрубить наши исторические якоря и потерять в безбрежном море. Все развитие выглядит в точности как происходящее в указанном Фукуямой (и Гегелем) направлении. Наша американская цивилизация и в самом деле кажется „волной

будущего”, в то время как различные формы антилиберализма и антикапитализма (марксистские или неомарксистские, фашистские или неофашистские) и вправду выглядят уже скончавшимися. С последним я совершенно согласен. Чему я не могу поверить, так это тому, что мы представляем не временную гегемонию, а именно „волну будущего”. Я вообще не доверяю „волнам будущего”, которые считаю миражами, провоцируемыми неогегельянской лихорадкой политического воображения.

Единственный известный мне способ освободиться от гегельянского мировосприятия и способа мышления — это вернуться к Аристотелю и к его пониманию того, что все формы правления, будь то демократия, олигархия, аристократия, монархия или тирания, нестабильны по своей природе, что все политические системы подвержены внутренним изменениям и что устойчивость любых режимов подрывается разлагающим воздействием времени. Отнюдь не случайно (и здесь аристотелевская риторика вполне согласуется с гегельянской), что XX столетие стало свидетелем целой серии возмущений против секулярно-либерально-капиталистической демократии. Эти возмущения потерпели крах, но питающий их источник сохранился. Иными словами, наша американская демократия, несмотря на то, что она выглядит столь триумфальной, на деле находится под угрозой, причем именно в силу того, что она является демократией и не может избавиться от всей болезненной проблематики, а не просто от отдельных проблем. Эта проблематика самой же демократией с неизбежностью порождается. Это тоска по социальной общности и духовности, растущее недоверие к технологии, отождествление свободы со вседозволенностью и многое другое.

Возможно, нам удалось выиграть холодную войну, что само по себе приятно — даже великолепно, но это означает, что теперь нашим врагом является не кто-то, а мы сами.